

Чиеню вела Обаная за руку по коридору особняка Убуясики, направляясь к себе.

Ночь уже выдалась глубокой, и фонари по обе стороны галереи источали тусклый желтоватый свет, вытягивая две маленькие тени в длинные силуэты. Обанай опустил голову, не сводя глаз с собственной руки, которую она держала, и хранил молчание.

— Куда мы сейчас идем? — тихо спросил он.

— Ко мне домой, — не оборачиваясь, ответила Чиеню, и тон ее звучал так, будто иначе и быть не могло. — Ты мой цугоку, так что, конечно, будешь жить со мной.

Обанай замер на секунду, шаги его прервались.

Разве цугоку должны жить вместе? Он не знал. Он вообще ничего не знал. Но переспрашивать не стал, а просто послушно последовал за ней.

Поместье Чиеню находилось недалеко от главного дома — это был небольшой, изящный внутренний двор. У входа рос клен, и ночной ветер заставлял его листья шуршать, словно нашептывая что-то. Когда она толкнула дверь, внутри обнаружился безупречный порядок, а на бумажных сэнтах главного покоя лежал мягкий желтоватый отблеск света.

— Входи, — Чиеню выпустила его руку, наклонилась, достала из обувной тумбочки у входа пару маленьких матерчатых туфель и поставила рядом с его стопами. — Сначала надень это, а завтра я отведу тебя снять мерки и заказать новые.

Обанай опустил взгляд, неуклюже переобуваясь. Он редко носил обувь, в заточении вечно ходил босиком, и подошвы его ног покрывал тонкий слой мозолей. Новые туфли были мягкими, и ступать в них непривычно, но очень удобно.

Чиеню уже прошла в комнату и зажгла несколько свечей. Свет постепенно разгорелся, озаряя небольшое, но уютное помещение. Главный зал был застелен татами, на низком столике стоял чайный сервиз, в углу примостился книжный шкаф с книгами. Заглянув глубже, можно было заметить еще несколько внутренних комнат.

— Та комната — моя, — Чиеню указала на дальний конец коридора. — Ты будешь жить по соседству со мной. Эту ночь пока перекантуйся так, а завтра велю принести для тебя все необходимое.

Обанай кивнул и застыл на месте, чувствуя себя растерянно. Он не понимал, стоять ему или садиться, и куда девать руки.

Чиеню взглянула на него и вдруг нахмурилась:

— Почему у тебя волосы такие растрепанные?

Обанай машинально поднял руку и коснулся собственной головы. Он не знал — он никогда об этом не задумывался.

В темнице никто не говорил ему, что волосы нужно расчесывать, и гребней ему тоже никто не давал.

Чиеню немного подумала, развернулась и скрылась в своей комнате, а когда вернулась, в ее руке уже лежал деревянный гребень.

— Подойди, садись, — она похлопала по циновке татами рядом с низким столиком.

Обанай послушно подошел и сел, поджав ноги. Чиеню обошла его сзади, опустилась на колени и аккуратно приставила деревянный гребень к его сбившемуся в колтуны макушечному ворсу.

— Может быть немного больно, потерпи, — предупредила она.

Гребень опустился, скользя от макушки до самых кончиков.

Больно.

Кожу головы неприятно стянуло, тело инстинктивно напряглось, но Обанай стиснул зубы и не издал ни звука. Рука Чиеню замерла на миг, и движение гребня стало мягче.

— Давно ты не причесывался? — спросила она.

— ...Не знаю, — тихо ответил Обанай. Он никогда в жизни не расчесывался, и даже никто прежде не говорил ему, что волосы нуждаются в уходе.

Чиеню не стала допытываться. Она просто продолжала расчесывать, двигаясь легко, раз за разом терпеливо распутывая спутавшиеся пряди. Некоторые колтуны никак не поддавались, и тогда она принималась понемногу разбирать их пальцами, стараясь сделать так, чтобы ему не было больно.

Свечной свет мягко колыхался в комнате, отбрасывая на стены две маленькие тени.

Кабурамару соскользнул с его плеча, свернулся колечком у ног Обаная и с любопытством наблюдал за происходящим.

— Кажется, она смотрит, как я тебя расчесываю, — тихонько рассмеялась Чиеню.

Обанай молчал, потупив взор.

Он чувствовал себя странно. Ощущения на макушке были легкими и теплыми, словно вместе с каждым движением гребня что-то медленно проникало в самую его суть. Он не понимал, что это такое, но вдруг почувствовал, как защипало в глазах.

— Обанай, — внезапно позвала Чиеню.

— Мм?

— У тебя черные волосы, совсем не такие, как у меня, — ее тон был будничным, будто она обсуждала погоду. — Мои волосы золотые, в маму. Она родом из Англии, из очень-очень далеких мест.

Обанай не знал, где находится эта Англия, но слушал внимательно.

— Когда я была маленькой, то жила там, носила такие огромные платья со множеством кружев, — продолжала Чиеню. — А потом вернулась, платья тоже привезла, но носить их особо не получалось — на заданиях они бы сразу испачкались. Госпожа Анерин сшила мне плащ, так что теперь, даже если под ним надето платье, оно не пачкается.

Мама. Услышав это слово, Обанай чуть ниже опустил голову.

— А... — он помедлил немного и тихо спросил: — А где твоя мама?

Движения гребня прервались на долю секунды.

— Она стала звездой, — голос Чиеню прозвучал легко, без малейшей тени скорби в интонации. — И отец тоже.

Обанай приоткрыл рот, не зная, что и ответить.

— Но теперь у меня есть новая семья, — гребень снова заскользил по волосам, и в голосе Чиеню вернулась прежняя звонкая легкость. — Есть старший брат, госпожа Анерин, невестка Ане, двое новорожденных племянников. А теперь еще и ты.

Она сделала паузу, словно раздумывая над чем-то, а затем добавила с полной серьезностью:

— Ты теперь тоже моя семья.

Обанай смотрел в пол, изучая узор на циновках татами. Он чувствовал, как глаза жжет все

сильнее и к горлу подступает что-то горячее. Он изо всех сил сдерживался, не желая плакать перед девчонкой, которая была младше него самого.

Гребень прошелся от макушки до кончиков волос и наконец мягко замер.

— Готово, — Чиеню отложила гребень, заглянув ему в лицо. — Ой, ты чего это?

— Ничего, — Обанай отвернулся в сторону, и голос его прозвучал глухо.

Чиеню моргнула, не став допытываться. Она поднялась на ноги, подошла к угловому шкафу, достала оттуда чистый комплект постельного белья и принесла ему.

— Сегодня будешь спать в этой комнате, — она отворила соседнюю дверь и внесла постель внутрь. — Белье только что постирано, должно быть свежим. Завтра докупим тебе все остальное.

Обанай стоял у порога, глядя на тесную комнатушку. На татами аккуратно расстелили постель, рядом стоял небольшой шкафчик, окно было закрыто, но сквозь него угадывались очертания ночного пейзажа снаружи.

Он вспомнил мрачный, сырой угол карцера, вспомнил ночи, когда приходилось засыпать свернувшись в клубок. Вспомнил тупые боли в теле каждое утро и въевшийся запах пренили, от которого невозможно было избавиться.

— Обанай? — голос Чиеню вернул его в реальность. — Что такое? Не нравится?

— Нет, — он покачал головой, и голос прозвучал чуть охрипше. — Очень нравится.

Уголки глаз Чиеню изогнулись в улыбке.

— Вот и хорошо. Ложись спать пораньше, завтра с утра начнется тренировка, — она сладко зевнула. — Я тоже спать, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Обанай проводил ее взглядом до соседней комнаты и услышал, как закрылась дверь. Он постоял еще немного, а затем нерешительно шагнул в свою комнату и опустил на свежие постельные принадлежности.

Кабурамару взобрался на его плечо и потерся о щеку.

— ...Кабурамару, — тихо произнес он так тихо, что едва ли можно было расслышать. — Она сказала, что я ее семья.

Змей высунул раздвоенный язык, словно бы отвечая.

Обанай лег, закутавшись в мягкое одеяло. От него пахло солнцем — сухо и тепло. Он долго-долго смотрел с открытыми глазами на сумрачный потолок, пока наконец не погрузился в глубокий сон.

В эту ночь ему ничего не снилось.

Ранним утром Обаная разбудил стук в дверь.

— Обанай, вставай.

Это был голос Чиеню. Обанай торопливо сел на постели, протирая глаза. Солнечные лучи уже пробивались сквозь щель в занавесках, заливая комнату ярким светом.

Он отворил дверь и увидел Чиеню на пороге. Она уже переоделась, белый плащ аккуратно лежал на плечах, а золотые волосы выглядели еще более гладкими, чем вчера — видимо, причесалась сама.

— Утро, — поприветствовала она. — Умывайся, ешь, а потом отправляемся на тренировочную площадку.

Обанай кивнул и послушно поплелся за ней в главный зал.

Пройдя пару шагов, Чиеню внезапно остановилась и оглянулась на его волосы.

— Опять растрепался, — поморщилась она. — Позавтракаем, и я снова тебя причешу.

Обанай замер на секунду, а затем кивнул.

Солнечный свет струился из-под карниза крыши, падая на две фигурки, шедшие друг за другом. Маленькая фигурка впереди шагала быстро, и полы ее плаща легко покачивались. Та, что шла следом, неотступно следовала за ней, а на плече примостилась тоненькая змейка.

Новый день начался именно так.

В главном зале уже был накрыт завтрак. Белый рис в каше, несколько тарелочек с соленьями, парочка булочек и небольшая розетка с маринованными сливами. Чиеню уселась за стол, и

Обанай тоже занял место напротив.

Он потупился, глядя на еду, и не притрагивался к палочкам.

— В чем дело? — спросила Чиеню.

— Ничего, — Обанай покачал головой и взял палочки.

Он ел очень медленно, тщательно пережевывая каждый кусочек. Чиеню не торопила его; расправившись с едой первой, она подперла щеку рукой и принялась наблюдать за ним.

Посмотрев так некоторое время, она внезапно заметила:

— Ты ешь слишком мало.

Палочки в руках Обаная замерли.

— Так не пойдет, — серьезно произнула Чиеню. — Тренировки отнимают много сил, без еды ты быстро выдохнешься.

Обанай посмотрел в свою миску, где оставалось еще больше половины каши, и тихо ответил:

— Больше не лезет.

Чиеню подумала немного и не стала настаивать. Она поднялась, порылась в шкафу, достала собственную одежду и протянула ему:

— Надень пока это, а потом я отведу тебя к остальным, и мы закажем тебе новое.

Обанай принял вещи. Это была повседневная одежда Чиеню из темно-синей ткани, которая все равно оказалась ему великовата. Он неуклюже облачился в нее: рукава свисали длинными манжетами, а подол волочился по полу.

Чиеню склонила голову набок, разглядывая его, и не удержалась от смешка.

Обанай смущенно опустил глаза.

— Ничего страшного, — отмахнулась Чиеню, подходя ближе, чтобы подвернуть ему рукава. — Подвернем, и порядок. Видишь? Теперь ничего не волочится.

Она дважды закатала рукава на его руках, обнажая тонкие запястья, а затем присела на корточки, чтобы подоткнуть и штанины. Обанай смотрел сверху вниз на ее золотистую макушку, стоя неподвижно.

— Вот так, — Чиеню выпрямилась и довольно кивнула. — Пойдем.

Она снова взяла его за руку, и они зашагали вперед.

<http://bllate.org/book/22382/2348110>